

В.Е. Милоданович

ИЗ КИСЛОВОДСКА В КИСЛОВОДСК

1918–1919

Всеволод Милоданович

**Из Кисловодска в
Кисловодск. 1918–1919**

«ПОСЕВ»

1969

УДК 94(47+57)"1918/1919"(477-821)(093.3)
ББК 63.3(2)612ю14

Милоданович В. Е.

Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919 / В. Е. Милоданович —
«ПОСЕВ», 1969

ISBN 978-5-906569-22-6

Впервые публикуемые мемуары капитана артиллерии Всеволода Милодановича рассказывают о событиях Гражданской войны на территории Украины в 1918–1919 гг. Текст воспоминаний позволяет читателю взглянуть на их ход глазами кадрового офицера довоенной Русской императорской армии, служившего в рядах вооруженных сил Украинской народной республики, а затем мобилизованного в состав Вооруженных сил Юга России. Мемуары снабжены большим числом также публикуемых впервые фотографий автора. Предназначены для широкого круга читателей.

УДК 94(47+57)"1918/1919"(477-821)(093.3)

ББК 63.3(2)612ю14

ISBN 978-5-906569-22-6

© Милоданович В. Е., 1969

© ПОСЕВ, 1969

Содержание

Он был русским офицером	6
Из Кисловодска в Кисловодск. 1918—1919	12
Часть I	14
1. Упущенный благоприятный случай[21]	14
2. Возвращение в бригаду	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Всеволод Милоданович Из Кисловодска в Кисловодск. 1918—1919

© Содружество «Посев», 2020

© А.А. Самцевич, 2020

Он был русским офицером

Большевистская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война сломали жизни и судьбы миллионов наших соотечественников. Огромное количество из них были вынуждены покинуть страну и осесть в десятках различных государств мира. Среди них были и тысячи представителей офицерского корпуса – фактически вся уцелевшая в горниле Первой мировой и Гражданской войн элита российской армии. Многие из них стали «ценными приобретениями» для зарубежных вооруженных сил, но до сих пор остаются неизвестными в России. Одним из таких людей был и Всеволод Милоданович, впоследствии ставший одним из лучших офицеров Первой Словацкой республики периода Второй мировой войны, теоретик и практик артиллерии, талантливый писатель, сложный и интересный человек. Что нам известно о фактах его биографии?

Всеволод родился в Санкт-Петербурге 18 августа¹ 1892 г. в семье генерал-майора Евгения Александровича Милодановича. Получил образование в Морском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. По окончании последнего (1912) молодой подпоручик был назначен в дислоцировавшуюся в Ровно 32-ю артиллерийскую бригаду. В ее рядах на различных командных и административных должностях Всеволод прошел всю Первую мировую войну (на Юго-западном и Румынском фронтах), первый бой принял 23 августа 1914 г. под Скваржавой, получив в его ходе легкое ранение левого локтя. В тот день 2-й дивизион бригады понес тяжелые потери от огня австрийской батареи, о действиях которой Милоданович впоследствии писал с нескрываемым уважением: *«Командир батареи, очевидно, был выдающимся стрелком. Его стрельба, и по колонне, и по батарее, почти без пристрелки, была по точности и скорости изумительной! Подчиненные были ему под стать, и в перекрестном огне двух наших батарей, 5/32 и батареи 78-й бригады, им удалось увезти орудия прямо “из под носа” нашей наседавшей пехоты!»*²

Войну офицер-фронтовик закончил в звании капитана (присвоено 2 августа 1917 г., со старшинством от 15 января того же года). Служба России принесла ему ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, 3-й – с мечами и бантом и 4-й – с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й – с мечами и 3-й – с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й – с мечами и бантом и 3-й – с мечами, а также медаль в память 300-летия Дома Романовых³.

Октябрьская революция и обретение независимости Украиной привели к тому, что с 7 апреля 1918 г. Милоданович оказался в рядах ее армии, где в звании сотника на должностях полкового офицера разведки и командира батареи служил в 32-м артиллерийском полку. После начала второй украино-советской войны в рядах Юго-восточной группы армии Украинской народной республики (УНР) Всеволод участвовал в отступлении к румынской границе, где в начале весны 1919 г. бежал из ее рядов и перешел в Бессарабию. Там, в период с 6 до 27 апреля того же года, он формально служил в рядах номинального «Украинского партизанского отряда южнорусской армии при французском командовании в Румынии».

С 28 апреля по 12 июня Милоданович (так же формально) служил в 14-м полку стрельцов 4-й дивизии польской армии, державшей в этот период оборону против большевиков вдоль Днестра. Затем он был передан в Вооруженные силы юга России (ВСЮР) и летом 1919 г. отплыл из румынской Тулчи в Новороссийск. С 22 июля Милоданович, не выполняя команд-

¹ Здесь и далее – даты по новому стилю.

² Цит. по: Милоданович В. Скваржава // Военная быль. 1967. № 83. С. 23.

³ Послужной список капитана 32-й артиллерийской бригады Милодановича/ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/с 320–812 (1918 г.). В списке отсутствует информация о вручении ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами, однако он хорошо виден на одной из фотографий Всеволода и в наши дни хранится в семье офицера.

ных функций, служил в 3-й артиллерийской бригаде ВСЮР, 6 ноября был придан управлению артиллерийского снабжения, а 1 августа 1920 г. – Севастопольскому офицерскому батальону. Осенью в его составе он был эвакуирован из Севастополя на транспорте «Инкерман»⁴, а 13 декабря официально оставил службу⁵.

Уже на следующий день офицер подал в Министерство народной обороны Чехословакии прошение о приеме на действительную военную службу. Но оно было удовлетворено указом президента республики лишь 29 декабря 1923 г., а 21 февраля следующего года надпоручик Милоданович приступил к несению службы в рядах 2-го артиллерийского полка в Плезене. Все это время ему приходилось довольствоваться гражданской работой в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: сначала, с середины мая 1921 г. – в генеральном директорате статистики Министерства социальной помощи в Белграде, а затем, в течение восьми месяцев до конца января 1924 г. – геометром окружной архитектурной секции Министерства общественных работ в Косовской Митровице.

Большая часть чехословацкой службы Всеволода проходила в частях горной артиллерии: с октября 1926 г. – в 252-м (Домажлица), а с 30 сентября 1928 г. – в 260-м дивизионах (Банска-Штьявница). С 15 января 1938 г. он служил в рядах развернутого на базе последнего 15-го артполка в Топольчанах. В разное время занимал должности командира взвода, аудитора батареи, первого офицера батареи, командира полевой и запасной батарей, командира подофицерской школы, заместителя командира дивизиона и первого помощника командующего полка. Кроме того, с 1 июля до 24 августа 1928 г. он был прикомандирован к 6-му пограничному батальону «Сибирских ударников» в качестве командира 1-й артиллерийской батареи. Русский офицер трижды повышался в звании: 2 декабря 1926 г. до капитана, 1 октября 1928 г. – до штабного капитана и, наконец, 1 января 1937 г. – до майора. Неизменно заслуживая образцовые отзывы командования, он дважды проходил дополнительное обучение: в 1926 г. – курс артиллерийской школы в Оломоуце и в 1935 г. – курс пассивной обороны против авиации. Во время мобилизации 1938 г. Милоданович, командовавший запасным дивизионом 15-го полка, принял под свое командование гарнизон Тополчан⁶.

Впоследствии Всеволод вспоминал о своих новых сослуживцах и, зачастую, недавних противниках – бывших австро-венгерских офицерах, сравнив их с военнослужащими российской армии: *«Все они были скромными в своих требованиях на жизнь в сравнении с нашими. Их квартиры были маленькими, не для приемов гостей. Любимым развлечением вне службы было просиживать в кофейнях за кружкой пива, прочитать газеты и журналы и встретить всех, кого хотелось. Жалование было меньше, чем у нас, но и жизнь была дешевле. Форма одежды была очень простая, но вследствие изобилия хороших портных, элегантная, одинакового цвета и фасона. Служба была такой же скучной, как у нас, и так же пренебрегалась тактикой. <...> Когда в 1933–1939 гг. я был под командой командира [подполковника Франтишека Вацка. – А.С.], замечательно умного и образованного артиллериста, он, читая мои статьи⁷, говорил мне с улыбкой: “Все, как у нас”⁸.*

⁴ По данным историка Никиты Кузнецова, этот транспорт (2862 брт) покинул порт Севастополя на второй день эвакуации, 31 октября 1920 г., имея на борту 868 человек эвакуируемых. См.: Кузнецов Н. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 401.

⁵ Vojensky ustfednl archlv – Vojensky historicky archlv (VUA-VHA) Praha, kvalifikacni listina V. Milodanovica; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011. С. 443; Baginski H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 524.

⁶ VUA-VHA Praha, kvalifikacni listina V. Milodanovica.

⁷ В 1930-е гг. Милоданович опубликовал в нескольких периодических изданиях Министерства народной обороны и других военных структур Чехословакии ряд статей аналитического характера, касающихся тактических аспектов применения артиллерии и артиллерийской баллистики. В них он, в первую очередь, обобщал свой опыт ветерана Первой мировой войны. См., например: Milodanovic V. Ataka 2. brigady 14. ruske jezdecke divise // Vojenske rozhledy. Rocnik XV. № 1, leden 1934. S. 100–104; Milodanovic V. Drobne zkusenosti z valky // Vojenske rozhledy. Rocnik XVI. № 1, leden 1935. S. 84–88; № 5, kveten 1935. S. 665–670; № 9, zafi 1935. S. 1115–1121; Milodanovic V. Prace jezdecke hličky v Avgustovskem lese // Vojenske rozhledy. Rocnik XVI. № 4, duben 1935. S. 1287–1292; Milodanovic V. Palebne postaveni baterii v lesich a osadah // Vojenske rozhledy. Rocnik

Его дочь Татьяна вспоминает эпизод, связанный со службой отца: *«Папа любил всех животных, я помню, одно время у него в канцелярии на окне появилась мышь. Придя на обед домой, он сказал нам, что ему нужен кусочек сыра, чтобы мышь не была голодной. Мама, правда, не очень одобрила папино намерение, но, конечно, он ушел в казармы с сыром в кармане».*

Службу в вооруженных силах Словакии Милоданович начал с момента их создания, 30 марта 1939 г. приняв командование 15-м артполком, но официально в их ряды с сохранением звания майора он был зачислен лишь 14 апреля. При первой реорганизации армии, 1 мая того же года, русский офицер был назначен на должность командира II дивизиона 4-го артиллерийского полка в Спишска-Нова-Вес, а в сентябре, во время войны с Польшей, кроме того, командовал гарнизоном в Спишска-Нова-Вес и Кежмароке. При новой реорганизации армии Всеволод с 15 ноября 1939 г. оказался в рядах 3-го артиллерийского полка, 15 января приняв под командование его I дивизион, дислоцировавшийся в Чемерне, а 30 сентября 1940 г. последовал перевод на должность командира II дивизиона 2-го артполка (размещавшегося отдельно от остальных сил части, в Прешове).

После начала войны между Словакией и СССР, 26 июня 1941 г., дивизион Милодановича вместе со всей армией был отправлен на фронт⁹, где нес оккупационную службу, размещаясь в селе Солоньске восточнее западно-украинского Дрогобича, но уже 20 августа снова вернулся к месту постоянной дислокации. С 23 сентября до 22 ноября Всеволод командовал 2-м артполком, вернувшись затем на свою прежнюю должность. С 7 мая 1942 г. он снова замещал командира полка, но уже 1 июня был отправлен на Восточный фронт на должность командира II дивизиона 31-го артиллерийского полка Быстрой дивизии, в составе которой участвовал в ожесточенных боях на туапсинском направлении¹⁰.

1 января 1943 г. Милоданович получил свое последнее документально подтвержденное звание в словацкой армии – подполковника, а после возвращения с фронта в конце февраля того же года и окончания отпуска с 5 апреля он занял должность командира формирующегося I дивизиона 41-го артиллерийского полка. 29 июня подразделение было отправлено для несения оккупационной службы в Крым и по прибытии туда включено в состав 11-го артиллерийского полка 1-й пехотной (бывшей Быстрой) дивизии как его I дивизион. Впоследствии Всеволод последовательно переводился на должности командующего III дивизиона 11-го артполка, словацкого коменданта Одессы, а затем – Браилова. С 4 июня 1944 г. непродолжительное время командовал размещавшимся в Румынии 21-м пехотным полком. В этой должности он выступал в новом качестве, руководя работами по возведению полевых укреплений оборонительной линии «Берта» в Бессарабии, для которых были привлечены словацкие части¹¹.

После возвращения в Словакию, летом 1944 г., Милоданович был назначен начальником лагеря украинских беженцев Лешть, а в период путча полковника Яна Голиана был арестован повстанцами и содержался в лагере военнопленных в Любетовой. После освобождения из этого плена и кратковременного ареста немецкой оккупационной армией он возглавил единственный артиллерийский дивизион словацкой армии, переименованной в Домобрану. Находясь на

XVI. № 11, lis-topad 1935. S. 1363–1371; *Milodanovic V.* Třetí série ranpři stfělbe sjednostran-nympozorovanim//Vojenske rozhledy. Ročník XVIII. № 7–8, červenec-srpen 1937. S. 807–808.

⁸ Милоданович В. Русская артиллерия (окончание) // Часовой. 1974. № 578. С. 8.

⁹ Первоначально в боевых действиях на Восточном фронте была задействована вся отоброилизованная армия в составе двух дивизий и механизированной (Быстрой) бригады. Но, так как словацкая армия в силу слабой механизации частей не могла поддерживать высокий темп наступления, большая часть сил вскоре была возвращена на родину. Для ведения боевых действий были развернуты Быстрая и Охранная дивизии (слов. Rychlá и Zaisťovacia).

¹⁰ VUA-VNA Praha, Kvalifikacní listina V. Milodanovica; *Klíment C. K., Na-klldal B.* Slovenska armáda 1939–1945. Praha, 2003. S. 30; Милоданович В. Со словацкой Скорой дивизией на Кавказе // Часовой. 1971. № 541. С. 8–10.

¹¹ *Micianik P.* Slovenska armáda v t'azeniproti Sovetskemu zvažu (1941–1944). IV.1. pesia divizia. Banská Bystrica, 2012. S. 185; Vojenske osobnosti dejm Slovenska 1939–1945. Bratislava, 2013. S. 162–165, 169.

этой должности в мае 1945 г., он, вместе с остатками словацкого военного командования и армии, капитулировал перед войсками западных союзников и находился в американском плену до ноября того же года¹².

Шесть лет службы Словацкой республике и активное участие в войне принесли Всеволоду целый ряд знаков отличия, в том числе достаточно высоких. Согласно его личному делу, ему была вручена Памятная медаль за службу в сентябре 1939 г., затем, 15 июля 1941 г., – Крест мировой войны I степени¹³ и, наконец, 26 ноября 1942 г., – медаль «За храбрость» II степени. Кроме того, на одной из фотографий на кителе Милодановича хорошо виден нагрудный знак Быстрой дивизии. Благодаря помощи семьи офицера и анализу его мемуаров, мы можем установить, что Памятная медаль была им получена за службу в марте 1939 г. (т. е. за участие в войне против Венгрии), а боевые действия против Польши принесли Всеволоду носившейся на ее ленте щиток с цифрами «IX. 1939». Кроме того, к списку надо добавить Военный крест победы IV класса, медаль «За храбрость» III степени, Памятный знак за борьбу против Советского Союза I степени и румынский Офицерский крест ордена Румынской звезды¹⁴.

Отметим, что по другую сторону фронта воевал двоюродный брат Всеволода, Георгий Яковлевич Милоданович, также майор, но уже Красной армии. Он родился 7 января 1902 г. в Каменце-Подольском и как сын офицера, погибшего во время Русско-японской войны, был зачислен в 3-й Московский кадетский корпус. В 1919 г. вступил в Красную армию, участвовал в боях против войск адмирала Александра Колчака. В период «чисток» второй половины 1930-х гг. дважды репрессировался, но был восстановлен в армии и участвовал в Зимней войне с Финляндией, в ходе которой был назначен комендантом Кандалакши. В 1939–1940 гг. командировался в Бессарабию и западную Украину. Пропал без вести в апреле 1942 г., находясь в должности начальника штаба 43-го дорожно-эксплуатационного полка¹⁵.

При этом братья продолжали поддерживать связь, по крайней мере, до второй половины 1930-гг., хотя, по понятным причинам, не афишировали этого. Как видно на примере одной семьи, Гражданская война продолжалась.

После освобождения из плена Всеволод устроился на службу в полицию УНПРА¹⁶ в Мюнхене, затем работал бухгалтером в лагере беженцев Шлайсхейм, и, наконец, вместе с женой они заменяли родителей для детей-сирот различных национальностей в Бад-Айблинге. Европу он навсегда покинул в конце 1949 г., выбрав переселение в Австралию (кроме того, беженцам предоставлялась возможность переезда в США или Южную Америку, но «зеленый материк» был выбран как не имеющий границ остров). Прошедшая комиссия семья была распределена в лагерь в Батерсте, где супруги Милодановичи получили палатку, в которой, однако, благодаря друзьям в Сиднее, жили недолго.

В Сиднее, отказавшись от предложенной должности чертежника, бывший офицер поселился в пансионате и пошел служить уборщиком вагонов на железную дорогу, позже заняв

¹² Основная информация о службе Милодановича в последние месяцы войны взята из текста его неопубликованной рукописи. О некоторых ее аспектах подробнее см.: *Smigel' M., Micko P.* Evakuacia v znamení uteku. Utecenci z Ukrajiny a Poľska na Slovensku v roku 1944. Banská Bystrica, 2006. S. 22–26; *Uhrin M.* K problematike personalnej a organizacnej vystavby delostrelectva Domodraný // Kolabaracia a odboj na Slovensku a v krajina nemeckej sféry vpluch v rokoch 1939–1945. Banská Bystrica, 2009. S. 296–310.

¹³ Данный крест являлся «символической» наградой, которую получали словацкие военнослужащие, имевшие знаки отличия, полученные в период Первой мировой войны.

¹⁴ VUA-VHA Praha, Kvalifikacní listina V. Milodanovica; Vojenské osobnosti dejin Slovenska... S. 170; Письмо Алексея Скуратова, 3 декабря 2018 г./ Личный архив автора (ЛИА).

¹⁵ Письмо Алексея Скуратова, 21 января 2018 г./ ЛИА; Приказ Главного управления кадров Министерства вооруженных сил СССР по личному составу 24 марта 1947 г. № 0549/ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 563784. Д. 9. Л. 65.

¹⁶ УНПРА – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UN-RRA) – организация, созданная странами-противниками Германии в 1943 г. для восстановления пострадавших в войне территорий. Ликвидирована в 1948 г.

должность инструктора по уборке. Его супруга в это время устроилась в госпиталь (при котором и жила), где развозила еду для пациентов. Спустя два года им, вместе с замужними дочерьми, удалось купить дом, а в июле 1962 г. Всеволод вышел на пенсию.

В последние полтора десятилетия своей жизни Милоданович продолжал работу по написанию своих многочисленных мемуаров, проводил много времени в саду, ухаживая за более чем 100 росшими там розовыми кустами, встречался со своими друзьями – выпускниками Михайловского училища, много читал, интересовался политикой, любил музыку. По свидетельствам его дочери Татьяны, он, несмотря на то, что много курил, никогда не болел, всегда пребывал в очень хорошем настроении и писал ее проживавшему в Чехии крестному (своему бывшему адъютанту), что *«никогда не думал, что эмиграция будет такая хорошая»*.

После войны, по информации его дочери, Милоданович поддерживал связь со своим сослуживцем по Восточному фронту полковником Ондреем Греблаем и с проживавшим в Вашингтоне бывшим начальником штаба министра народной обороны Словакии подполковником Йозефом Парчаном. Вероятнее всего, он являлся членом Унии словацких комбатантов – ветеранской организации бывших словацких военнослужащих-эмигрантов, выступавшей за возрождение независимой Словакии на началах Первой Словацкой республики. Точно известно, что в 1954–1955 гг. в четырех номерах выпускавшегося Унией журнала «Домобрана» была опубликована статья Милодановича о боях Быстрой дивизии на Кавказе¹⁷, при этом его звание в издании было указано как «полковник артиллерии». Впоследствии, полковником словацкой армии он был назван и в некрологе, опубликованном русским эмигрантским журналом «Часовой»¹⁸. Здесь следует помнить, что Уния, считавшая себя прямой наследницей Министерства народной обороны Словакии, продолжала служебное производство своих членов и после войны.

Утром 10 октября 1977 г. у Всеволода случился сильный удар. Его последними, обращенными к дочери, словами были *«закури мне папиросу»*. Прибывшая скорая доставила его в госпиталь, где бывший офицер скончался спустя три дня. Согласно желанию покойного, его прах был кремирован.

Милоданович был женат дважды. С первой женой, своей дальней родственницей Лидией Илларионовной Соворовской, он прожил очень недолго, и заключенный в мае 1918 г. брак закончился разводом. Второй супругой офицера стала дочь кисловодского аптекаря Дмитрия Цинцинатора Елена (родилась 24 октября 1900 г. в Москве). После окончания гимназии она поступила на медицинский факультет Донского государственного университета (Ростов-на-Дону), который окончила 25 июля 1924 г. Сразу после этого Елена выехала в Чехословакию, где ее ожидал Милоданович, с которым они 5 ноября того же года обвенчались в церкви Св. Николая в Праге. Ее медицинский диплом в Чехословакии признан не был, поэтому до самого момента второй эмиграции она занималась домашним хозяйством и воспитанием двух дочерей. Скончалась в Австралии в 1986 г., прах помещен рядом с мужем¹⁹.

Всего, по некоторым данным, Всеволод Милоданович опубликовал в течение жизни более 200 статей мемуарного и публицистического характера²⁰. Вместе с тем, в настоящий момент свет увидело далеко не все его литературное наследие. Представляемые вниманию читателей мемуары, преимущественно, публикуются впервые и описывают период его службы в армии УНР. Дореформенная орфография в них изменена на новую, а текст отредактирован в соответствии с нормами современной грамматики и, частично, пунктуации русского языка, но с сохранением всех характерных оборотов речи. Перед нами уникальное свидетельство рус-

¹⁷ К сожалению, мы располагаем лишь заключительной частью данной статьи, отличающейся от русской версии аналогичных мемуаров. См.: *Milodanovic V. Utok prvej skupeny Rychlej divizie na Kaukaze // Domobrana. 1955. Cfslo 1–2. S. 8–10.*

¹⁸ Всеволод Евгеньевич Милоданович (некролог) // Часовой. 1977. № 609. С. 19.

¹⁹ Информация о послевоенной жизни и семье Всеволода Милодановича любезно сообщена его дочерью Татьяной.

²⁰ Всеволод Евгеньевич Милоданович (некролог) // Часовой. 1977. № 609. С. 19.

ского офицера, националиста и монархиста, вполне искренне служившего независимой Украине. В отличие от большинства известных мемуаров украинских офицеров периода украинской Освободительной войны, зачастую описывающих те события лишь в превосходных тонах, акцентируя внимание на положительных сторонах армии УНР, мемуары Милодановича описывают события гораздо более объективно. В то же время, будучи убежденным антикоммунистом, Всеволод не строил иллюзий и в отношении Белого движения на юге России, осознавая его обреченность, по его мнению, из-за глупости и некомпетентности руководителей. Настоящие воспоминания отличает подробность и высочайшая, почти документальная, точность, анализ описываемых событий, беспристрастное освещение своей роли в них, несомненный литературный талант автора и большое чувство доброго, ненавязчивого юмора.

Редактор-составитель выражает искреннюю и глубокую благодарность всем, оказавшим помощь в работе. Татьяна Швец (урожденная Милоданович) (Сидней, Австралия) любезно предоставила рукописи мемуаров отца и большое количество фотографий из семейного архива. Это стало возможно благодаря всеобъемлющей помощи Алексея Скуратова (Москва, Россия). Кроме того, ценные документы предоставили историки Мартин Лацко (Братислава, Словакия) и Йозеф Петраш (Трнава, Словакия).

Андрей Самцевич

Из Кисловодска в Кисловодск. 1918—1919

Всеволод Милоданович в словацкой форме. *Декабрь 1942 г.*

Часть I

Из Кисловодска в Полтаву

1. Упущенный благоприятный случай²¹

Очень часто случается, что те, которые командуют, не видят, а те, которые видят, не командуют, а потому теряют охоту видеть.
Рене Кентон «Афоризмы о войне»

В ноябре 1917 года я приехал с Румынского фронта в Кисловодск. В то время по всем железным дорогам России валила орда потерявших человеческий облик «товарищей», превращая в руины и станции и подвижной состав. В частности, такие толпы двигались по Владикавказской железной дороге с Кавказского фронта, и потому эта дорога не отличалась от прочих. И только в Минеральных Водах меня поразили контраст со всем тем, что я до сих пор видел: вокзал имел почти нормальный вид. А когда я вошел в кисловодский поезд, он выглядел совершенно так, как «в доброе старое время». Я объяснял себе это тем, что кавказские «товарищи» так торопятся домой, что им нет времени заглянуть на Минераловодскую ветку – тупик и «отделать» ее по установленному для тогдашнего времени образцу.

И вот, когда я приехал в Кисловодск, тут тоже ничего не напоминало о революции. Город был полон «недорезанных буржуев» всех видов, военных и статских, всюду царил «старый режим». В парке, где грело совсем не по зимнему солнце, на каждом шагу можно было слышать «Ваше Превосходительство» и иногда даже «Ваше Императорское высочество», а шикарные юнкера Николаевского кавалерийского училища с дореволюционной отчетливостью становились «во фронт», хотя этот вид отдания чести был уже давно упразднен Временным правительством. Кисловодск был тогда счастливым оазисом в России. В нем не было ни фабрик и заводов, ни казарм, не было поэтому и озверевших лиц.

Но этот «рай», царивший в городе, не действовал на меня успокоительным образом. Было совершенно ясно, что длиться до бесконечности он не может! Найдется кто-нибудь, кто «надоумит» орду, валившуюся по Владикавказской дороге, заглянуть в Кисловодск (а также в Ессентуки и Железноводск, где положение было подобным же, хотя и с меньшим процентом «шикарной» публики, или в Пятигорск, где оно было отчасти хуже, так как там квартировал какой-то пехотный запасной полк), и тогда – прощай все! Но могло быть и иначе: запасы денег у пришедшей публики когда-нибудь (и даже в очень недалеком будущем) иссякнут, и тогда тоже настанет конец.

Как бы то ни было, мне было совершенно ясно, что не может продолжаться такое положение, когда вся Россия во мгле и только в Кисловодске сияет солнце! Оно должно погаснуть, если антибольшевицкие силы будут так пассивны, как до сих пор. И, поразмыслив над всем этим, я сказал своему отцу, бывшему начальнику 5-й Сибирской стрелковой дивизии, а тогда – в резерве чинов в Кисловодске:

– Ты часто видишь и играешь в винт с генералом Рузским²². Предложи ему, как старшему здесь в чине и всем известному генералу, возглавить здешних офицеров и объединить их в

²¹ Выражение принадлежит генералу Иззету-Фуаду-Паше, турецкому посланнику в Мадриде, автору известной в свое время книги «Упущенные благоприятные случаи» о войне 1877–1878 гг. – *Прим. авт.*

²² **Рузский Николай Владимирович** (06.03.1854 – 18.10.1918, Пятигорск). Генерал-адъютант, участник русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – главнокомандующий армиями Северного фронта. По некоторым свидетельствам, среди офицеров был известен глупостью и крайней нерешительностью. В сентябре 1918 г. арестован большевиками и убит (изрублен шашками) вместе с остальными заложниками.

вооруженных воинских частях. Это дело я представляю себе так: он издаст, например, такой приказ:

«Сего числа я вступил в командование всеми воинскими чинами, находящимися в городе Кисловодске. Приказываю всем офицерам, юнкерам и солдатам, верным России, явиться завтра в 9 часов утра вооруженными в здание Кургауза, где они получают от меня дальнейшие приказания. Подпись: генерал Рузский».

– Я считаю, – пояснил я, – что такое приказание будет исполнено подавляющим большинством. Помешать собранию никто не может, так как большевиков тут нет. А для того чтобы не вмешались иногородние, промежуток между изданием приказа и собранием должен быть достаточно коротким. Когда офицеры соберутся, из них тут же будет составлена воинская часть, вооруженная пока хотя бы только пашками и револьверами, и, в качестве первой меры, необходимо сейчас же арестовать большевицкий Совет в Пятигорске и разоружить тамошний запасной полк, чтобы избавиться от «товарищей» и получить оружие. Никаких затруднений, по-моему, это не представит.

Во втором этапе необходимо будет произвести призыв офицеров в остальных курортах, создать дальнейшие части, призвать местное население, организовать управление краем, пока – в границах Минеральных Вод... Но не буду забежать вперед. Тут будут резать, и – очень скоро, а потому в первую очередь надо спасать собственную шкуру и не дать себя перестрелять поодиночке. Кисловодск особенно удобен для формирования, так как здесь нет никакой оппозиции. Всю акцию можно произвести совершенно открыто, нужна только быстрота!

– Ты смотришь на положение очень пессимистически, – ответил мой отец. – Такое положение, как сейчас, конечно, не может продолжаться долго. Но нам нужно только подождать некоторое время. Временное правительство пало, падут и большевики!

– Временное правительство пало, потому что его сбросили большевики, – возразил я, – но кто сбросит большевиков?

– Кто-нибудь да найдется, – сказал отец.

– Откуда возьмется этот таинственный «кто-то», кто будет так силен, что сбросит большевиков? – Опять возразил я. – Такой силы нет, и она должна быть создана нами. Кто бы другой мог их повалить?

Дня два-три спустя отец сказал мне:

– Я говорил с Рузским на твою тему...

– И что же? – спросил я. Отец улыбнулся:

– Рузский ответил мне – привожу его слова дословно: «Если Ваш сын такой умный, то пусть и возьмется за это дело сам!»

– Это же совершенно невозможно! – воскликнул я. – И неостроумно – капитан не имеет никакого права объявить о своем «вступлении в командование»! Кроме того, кто бы его послушался? Этого не можешь сделать даже ты, но только старший в чине. Таковым здесь является генерал Рузский! Кроме того, он известен всем! А если он стар и немощен, то на первом же собрании он может объявить, что назначает «командующим армией», например, генерала Радко-Дмитриева, или вообще любого генерала по своему выбору, который и будет фактически командовать. Но первый шаг должен сделать Рузский и никто другой!

Я мог бы только «пригласить» офицеров на собрание. Но кто бы туда пришел: 2 капитана и 10 поручиков и, может быть, еще кто-нибудь высший – из любопытства. И в конце концов гора бы родила мышь! Что можно сделать с 10 поручиками? А большевики получили бы предупреждение, и потом вообще на все было бы поздно!

Я прекратил разговор на эту тему, а потом сообщил отцу, что возвращаюсь на фронт в свою 32-ю артиллерийскую бригаду.

– Там, по крайней мере, – сказал я, – никто не поставит меня к стенке, а если возникнут какие-либо осложнения извне, то на фронте, как на границе: всегда будет возможность перебежать к австрийцам. Ждать здесь пассивно, пока за мной не придут, я не желаю!

– Подожди. – сказал отец. – Генералы (забыл фамилии этих двух генералов) и подполковник 18-й артиллерийской бригады Яскульский поедут на днях в Ростов к Алексееву и Корнилову, которые, по слухам, что-то формируют. Посмотрим, какие новости они привезут.

Я подождал, пока отец не сообщил мне, что эта группа вернулась ни с чем! Она была принята и Алексеевым, и Корниловым, которые заверили, что никакой армии они не формируют и что газетные сообщения не отвечают действительности.

Тогда я окончательно решил уехать, но – не мог! Ростов был взят большевиками, к счастью, всего лишь на 2–3 дня, казаки быстро освободили город. Я этим воспользовался и проскользнул достаточно гладко и в итоге благополучно прибыл в свою бригаду. Это было 21 декабря 1917 года.

Судьба Рузского, Радко-Дмитриева и 126 других генералов и прочих офицеров и высших сановников общеизвестна. Им недолго пришлось играть в винт и греться на солнце в парке! Покорные приказу Пятигорского председателя Совета Анджиевского, они поехали к нему на «регистрацию» и были порублены пашками.

Но мой отец уцелел: вопреки советам коллег, он этого приказа не исполнил, но замаскировался, поскольку это было возможно в таком небольшом городе, как Кисловодск, и дождался освобождения, ибо армия Алексеева и Корнилова, вопреки заявлению Кисловодской делегации, все-таки была сформирована! Но она должна была оружием прокладывать себе дорогу в Кисловодск, вместо того, чтобы на этом пути ее приветствовала бы «армия Рузского»!

Возможно, конечно, что мне следовало попробовать лично «уломать» Рузского, но его ответ на мое предложение, сделанное моим отцом, своей насмешливой формой казался мне окончательным. Быть может, так же мне следовало бы попробовать действовать в смысле ответа Рузского, но я всегда держался и держусь законности и против всякой партизанщины.

Но я удивлялся и удивляюсь до сих пор – неужели такая простая мысль, как создание «армии» в Кисловодске, только мне одному пришла в голову, одному из тысяч собравшихся на Кавказской группе Минеральных Вод, тогда как, по моему мнению, она должны была возникнуть в голове каждого! Но, по-видимому, это было, увы, так! Ведь потому-то в конце концов ничего и не вышло, и каждый пойманный покорно становился к стенке, а не пойманный – прятался, или бежал, хотя бежать-то в общем было некуда!

2. Возвращение в бригаду

Итак, мне оставалось вернуться из своего шестинедельного отпуска в бригаду. Но уехать сразу я не мог: большевики захватили Ростов. К счастью, через 2–3 дня казаки выбили их оттуда и путь был освобожден. Я поехал (хотя и не был особенно уверен, что доеду).

Хотя была уже половина декабря, т. е. прошло уже полтора месяца со дня большевицкого переворота, я ехал в полной «старорежимной» форме, с орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, со знаком Михайловского артиллерийского училища и с «Фельдцейхмейстерским²³» ниже последнего, так что на моей груди было 6 императорских корон. В Ростове-на-Дону я влез в вагон через окно и, опередив таким образом толпившихся у дверей, получил сидячее место.

В Синельникове пришлось пережить несколько неприятных минут. Я вышел на станцию в поисках чего-нибудь съестного. В вестибюле станции, перед закрытыми в зал дверьми, стоял матрос с винтовкой, явно часовой. Я испытал сильное желание повернуть, но в таких случаях этого именно делать не следует, и я вошел в зал.

²³ Вручавшийся в артиллерийских училищах наградной значок за стрельбу.

Большой зал был завален «товарищами», спавшими на полу по образцу сардинок в коробке. Вдали, за прилавком, был какой-то свет, керосиновая ли лампа, или свечка – не помню. Общий вид был жуткий! К прилавку вела узенькая тропинка между спавшими, которой я и воспользовался. Но у прилавка я мог выпить только подозрительного чаю (конечно – суррогата), больше там ничего не было, и пошел обратно. Матрос у выхода меня опять игнорировал.

В купе появилось двое новых личностей в защитной форме без погон. Через минуту к дверям купе подошли три матроса с винтовками. «Товарищи! – сказал старший. – Ваши документы и ваше оружие!» – «Документ, пожалуйста! – сказал я, протягивая ему свой отпускной билет. – А что касается оружия, то я еду на фронт и оно мне нужно!» Меня поддержало несколько голосов моих спутников в нейтральной одежде: «Мы тоже едем на фронт!» Матрос заколебался: превосходство в силах было на нашей стороне! «Хорошо! – сказал он. – Оружие можете себе оставить». И уже не интересуясь документами, прошел дальше и вышел на перрон вместе со своими спутниками. Поезд сейчас же тронулся.

Тут один из двух новых пассажиров вынул из кармана серебряные погоны Польского корпуса²⁴ и, с помощью другого, оказавшегося его вестовым, надел их на плечи, а затем рассказал, что случилось с предыдущим поездом, в котором он приехал в Синельниково.

Станция была занята сильным отрядом матросов – «красы и гордости русской революции», как они тогда назывались в речах ораторов и в печати. Матросы стали извлекать из поезда обнаруженных офицеров и уводить их. Поляку удалось убежать и где-то скрыться. Позже среди матросов поднялась тревога: было получено сообщение, что к станции приближается украинский полк имени Богдана Хмельницкого²⁵, сформированный еще Временным правительством. Матросы поспешили уехать обратно в Севастополь, увезя с собой арестованных офицеров. На станции осталась только маленькая группа матросов для наблюдения. Затем подошел наш поезд, и польский офицер, покинув свое убежище, сел в него.

Сопоставляя этот случай с тем, что я слышал позже в Крыму, предполагаю, что именно из этих арестованных офицеров матросы составляли так называемые «букеты», из трех человек с грузом на ногах, и побросали их в море. Они утонули в стоячем положении, и, как говорили потом к Крыму, один из водолазов сошел с ума, увидев под водой картину колыхающихся в воде утопленников! Дальнейший мой путь до Киева прошел без инцидентов.

В Киеве я остановился на несколько дней у тетки моей матери Елены Павловны Красовской. На кухне у ней были просторные полаты, на которых стояла кровать. Было тепло и комфортабельно! В Киеве был относительный порядок. Офицеры погон и орденов не носили, и я последовал их примеру. Теперь мне надо было проехать в местечко Новоселицу²⁶, которая находилась в стыке трех государств: России, Австро-Венгрии и Румынии. Путь шел через Жмеринку и Могилев-Подольский. Но уехать сразу я не мог, так как в Жмеринке было восстание местных большевиков. Кто их подавлял, для меня было загадкой.

Могилев-Подольский тоже не внушал доверия: там было двое командиров одной и той же 8-й армии: законный – генерал Юнаков – и большевицкий – прапорщик нашей бригады, горный

²⁴ Инициатором развертывания Польских легионов в России выступил созданный 25 ноября 1914 г. Польский национальный комитет. Первый из них (так называемый Пулавский легион) начал формироваться уже через пять дней, а в феврале следующего года возник второй (Любелский) – уланская бригада численностью 300 человек. Численность польских частей постоянно росла, и в итоге 24 июля 1917 г. по распоряжению Временного правительства в районе Минска началось развертывание I Польского армейского корпуса. Подробнее см.: *Thomas N. Polish Legions 1914–1919*. Oxford, 2018. P. 20–24, 33–34.

²⁵ Первая украинская национальная часть российской армии. Полк возник стихийно 1 мая 1917 г. и был «детисцем» Украинского военного клуба имени Павла Полуботко – организации национально-настроенных украинских военнослужащих. Де-юре создание полка, первоначально именовавшегося 1-й Украинским казачьим имени гетмана Богдана Хмельницкого полком, а впоследствии – просто Богдановским, было утверждено на 1-м Всеукраинском военном съезде 5 мая того же года. Подробнее см.: *Тигченко Я. Армии Украины 1917–1920 гг.* М., 2002. С. 5–6.

²⁶ Ныне – Новоселице, районный центр в Черновицкой области Украины.

инженер Лев Александрович Александрович, лет под 50 и, как у нас говорили, сподвижник Корнилова в путешествиях по Средней Азии.

Этот «Лева», как его за глаза звали в нашей бригаде, не был каким-нибудь страшным большевиком. Мне приходилось разговаривать с ним несколько раз. Он находил, что Временное правительство такая дрянь, что, чем скорее его кто-нибудь сбросит, тем лучше! С этим я соглашался, с оговоркой «если его выбросят не большевики!» Он также утверждал, что в столкновениях офицеров с солдатами виноват всегда офицер! Я тоже с этим соглашался, и тоже с добавлением – «в подавляющем большинстве случаев».

Говорю это, конечно, о положении на фронте, где главной целью было сохранить хотя бы оборонительную способность и дотянуть до совершенно очевидной победы Западных союзников (к которой «примазаться»!) и потому никогда не делать из мухи слона!

В нашей 32-й пехотной дивизии эти «мухи» тоже случались, но в «слонов» не превращались, так что даже в августе 1917 года, когда австрийцы после краткой, но весьма громкой артиллерийской подготовки с участием 12-см орудий атаковали позицию дивизии в Северной Румынии между селами Буда-Маре и Могонешти, то прорванными оказались сами, а не мы (начальство затем разумно остановило наступление!). Дивизия развалилась только после большевицкого переворота, и то не сразу. Возможно, что она была в числе исключений среди дивизий, чему способствовала ее удаленность от Петербурга. Но вернусь в «Леве» Александровичу.

Иногда поведение «Левы», пока он был в бригаде, мне даже нравилось. Например, такой случай: осенью 1916 и до революции наша дивизия занимала позицию в Лесистых Карпатах на таких высотах, как 2002, 1901 и 1866. Пехота там мерзла и голодала. Мне рассказывали такой случай: на наблюдательный пункт (не помню, какой батареи), где дежурил «Лева», на высоте 1901, стали приходить пехотные солдаты с вопросом: «Нет ли у вас чего-нибудь поесть?» «Лева» вызвал к телефону командира пехотного полка и сказал ему: «Если Вы не накормите своих солдат, я доложу об этом начальнику дивизии!» Что ответил на это командир полка, мне, к сожалению, неизвестно. Конечно, никто из кадровых офицеров или молодых запасных не предпринял бы подобного шага, но «Леве» было, что называется, наплевать! Ему было все равно, что о нем подумает начальство!

Обо мне «Лева», уже как представитель бригадного комитета, выразился так: «Такие определенные монархисты, как Милоданович, нам не опасны! Опасны те, о которых мы не знаем, что они думают». В другой раз, когда летом я командовал 2-й батареей, он спросил членов батарейного комитета: «Ну, как вам нравится ваш новый командир?» – «Мы ему не мешаем, а он – нам». – «Значит, нравится?» – «Да не совсем», – ответили. – «Не нравится?» – «Тоже нет». Итак, я жил в мире, и с «Левой», и с комитетами!

«Лева» сделал карьеру по комитетской части, сперва – как председатель бригадного комитета, потом – дивизии, а после – армии, комитет которой и выбрал его командующим 8-й армией. Двух командующих одной и той же армии, конечно, слишком много: часть армии признавала одного, другая – другого, но в общем обе части жили довольно мирно, пока 8-я армия вообще не исчезла, а с ней и оба командующих. Потом я слышал от офицеров, что «Лева» в Киеве и изучает украинский язык!

Я прожил у тетки несколько дней, пока не получил известие, что порядок в Жмеринке восстановлен. Меня проводили на вокзал моя будущая жена и ее брат. Я сел в пустой товарный вагон и поехал. Поезд прошел станцию Жмеринка без остановки – вероятно, там все-таки не все было в порядке. В Могилеве-Подольском все было тихо, и 21 декабря 1917 года я благополучно прибыл в Новоселицу и явился командиру бригады генерал-майору Обручешникову²⁷.

²⁷ *Обручешников Александр Константинович* (16.03.1867 —?). Выпускник Михайловского артиллерийского училища, участник Русско-японской и Первой мировой войн. 32-й артиллерийской бригадой командовал с декабря 1915 г.

«Вот, хорошо, что Вы приехали, – сказал он мне. – Вводится выборное начало, и Ваш старший офицер штабс-капитан Рексин ведет агитацию, чтобы выбрали его. Вы можете принять меры против этого». Но генерал ошибался: никаких мер принимать я не собирался. Для чего бы я это делал? Война кончилась, и мы все в самом близком будущем должны были стать одинаково безработными! Я вернулся в бригаду совсем не за тем, чтобы чем-нибудь командовать, но просто потому, что мне некуда было деваться, а в бригаде я был дома более, чем где-либо.

Я вытребовал себе от батареи повозку (экипажи отошли уже в область преданий) и вернулся в тот самый большой офицерский блиндаж, в чистом поле, из которого уехал в отпуск 4 ноября 1917 года.

Положение на фронте было такое: батареи еще стояли на позиции, но о стрельбе, конечно, не могло быть и речи. Бригада была украинизирована²⁸, и все солдаты-«кацапы» отосланы домой. Часть «хохлов» была в отпуску, в батареях оставалось по 100–110 солдат. Офицеры тоже отчасти разъехались, как кто хотел, кацапы и хохлы одинаково. Бригада подчинялась генералу Юнакову.

Пехота украинизирована не была. Ее большая часть дезертировала, а остаток признавал своим командующим армии «Леву» Александровича. Такое разделение дивизии не мешало, однако, украинцам и большевикам жить между собой в мире. Противник тоже не подавал признаков жизни – итак, и с ним мы жили в мире. Вообще была полная идиллия, а наш командир бригады свел знакомство с австрияками и ездил в Черновцы пьянствовать с ними.

Офицеры мне рассказывали о таком случае. После своего избрания командующим армией «Лева» приехал в управление бригады для дополнения своего послужного списка фразой «такого-то числа избран командующим 8-й армией». О дне и часе он сообщил заранее, а потому комитеты собрались перед управлением для приветствия. Наш генерал, только что вернувшийся из Черновиц после тяжелого кутежа, случайно подъехал к управлению бригады в тот момент, когда «Лева» вышел из автомобиля.

– Вы – командующий армией? – спросил он еле ворочавшимся языком.

– Имею несчастье им быть, – скромно ответил «Лева».

– Вы... (слово из трех букв), а не командующий армией, – сказал генерал, и офицеры, рассказывавшие мне об этом, добавили: «И это было единственным добрым делом, совершенным нашим генералом в течение его двухлетнего командования бригадой!»

«А как реагировал “Лева” на заявление генерала?» – полюбопытствовал я. «Обратился к комитетчикам со словами: “Вы слышали, что позволяет себе генерал?” Что же можно ожидать от прочих офицеров?» А комитеты выслушали это молча, и генерал пошел отсыпаться. Таким образом, и в этом случае мир не был нарушен.

Вскоре должны были быть произведены выборы командного состава. Принцип выборного начала наша бригада исправила очень удачно: 1) командиры дивизионов по-прежнему должны были назначаться сверху, так как солдаты признали свою некомпетентность в вопросах тактики; 2) адъютанты, для обеспечения наилучшей совместной работы с их командирами, должны были выбираться последними. Это давало в бригаде 5 свободных мест для офицеров, не выбранных батареями.

Выборы состоялись 3 января 1918 года. Я получил ОДИН голос, чей – не знаю, но предполагаю, что подпоручика Розанова, Михайловца [выпуска] 1914 года, застрявшего в чинах по случаю того, что просидел в запасном дивизионе почти всю войну. Штабс-капитан Рексин

²⁸ Идея создания национальных украинских частей была выдвинута летом 1917 г. генералом от инфантерии Лавром Корниловым, в качестве одной из мер поднятия боеспособности армии. После октябрьской революции процесс «украинизации» частей, переходивших под юрисдикцию Центральной рады (органа управления автономной Украины), стал стихийным.

получил 33 голоса – весьма слабое относительное большинство (одна треть голосовавших), остальные голоса разбились, и таким образом Рексин стал командиром батареи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.